

УДК 929-913

ПАРИЖСКАЯ «ЗАПИСКА...» О КЕРЧИ РАФАИЛА ДЕ СКАССИ

Орехов В. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Цель статьи – ввести в научный оборот «Записку об открытии в Крыму на Черном море Керченского порта», опубликованную Рафаилом де Скасси в 1822 г. в парижском издании «Annales de l'industrie nationale et étrangère». Эта публикация Р. де Скасси имеет переклички с его административными записками, хорошо известными историкам, однако не повторяет полностью ни одну из них: ни по содержанию, ни по стилю, ни по композиции. В связи с этим возникает ряд вопросов относительно причин, обусловивших время и место этой публикации и определивших ее содержание. Для ответа на эти вопросы парижская «Записка...» Р. де Скасси рассматривается в историческом контексте и в контексте биографии Р. де Скасси. В приложении к статье размещен перевод на русский язык парижской «Записки...» Р. де Скасси.

Ключевые слова: Рафаил де Скасси, Керченский порт, И. А. Сتمпковский, керченские древности, археология, Крым.

В 1822 г. в парижском журнале известного физика-изобретателя Л.- С. Ленормана «Летопись национальной и зарубежной промышленности, или Технологический Меркурий» появилась «Записка об открытии в Крыму на Черном море Керченского порта» [51]. В том же году она вышла отдельным оттиском [50]. Авторство указывалось инициалами «R... de S...», что позволяет нам приписать его Рафаилу де Скасси.

Историкам известно несколько записок Скасси о Керчи и кавказской торговле [27; 28; 29, 34, с. 42–46], однако все они носили рабочий характер и предназначались для подачи вверх по чиновничьей инстанции. Судя по всему, «Записка...» в парижской «Летописи...» – единственная работа, которую Скасси готовил специально для печати. В ней легко обнаруживаются переклички с административными записками автора, но в то же время она не повторяет полностью ни одну из них: ни по содержанию, ни по стилю, ни по композиции. В связи со сказанным возникает ряд вопросов относительно причин, обусловивших время и место этой публикации и определивших ее содержание. Цель нашей статьи – ввести парижскую «Записку...» о Керчи Р. де Скасси в научный оборот, предложив ее перевод на русский язык и рассмотрев ее содержание в историческом контексте.

«Записка...» не велика по объему – около 12 000 знаков. Ее предваряют редакционные разъяснения, из которых следует, что открытие Керченского порта необходимо рассматривать как одно из важных экономических событий на Востоке и что журнал планирует разместить подобную же записку об Одессе – «приморском городе, обязанном своим процветанием мудрому и просвещенному управлению г-на герцога де Ришелье, чей правопреемник – француз по происхождению, граф де Ланжерон – рад преумножить плоды трудов своего предшественника» [51, р. 67–68].

Тематически «Записку...» можно разделить на 4 части: 1) сведения о Керченской гавани; 2) сведения о географических условиях, населении и природных ресурсах Керчи; 3) сведения об условиях торговли с побережьем Северного Кавказа; 4) сведения о керченских древностях.

То, что поводом для публикации послужило открытие Керченского порта, – вполне объяснимо. В октябре 1821 г. был подписан указ о создании новой гавани [20, с. 874–878], а в июне 1822 г. состоялось ее торжественное открытие [26, с. 311]. При этом И. А. Стемпковский – один из последовательных сторонников проекта Керченской гавани [36, с. 157] – разослал «во все концы Европы» «красноречивые объявления» «для извещения о явлении нового торгового рынка» [26, с. 311]. Зачем же понадобилось Скасси, по сути, дублировать эти «красноречивые объявления» собственной публикацией, содержание которой (древности, полезные ископаемые и проч.) выходило за рамки заявленной в ее заглавии темы? Думается, будет верным искать мотивацию в биографии автора – Рафаила де Скасси.

В отечественной историографии долгое время оставалась неизвестной дата его рождения. Однако керченский историк В. Ф. Санжаровец выяснил ее по итальянским источникам: Р. де Скасси родился 26 февраля 1775 г. в Рапалло близ Генуи; рано осиротев, жил в доме своего родного брата – генуэзского врача Онофрио Скасси, а затем отправился сначала во Францию, затем в Одессу [29, с. 425]. В 1810 г. ему удалось обратить на себя внимание Ришелье и предложить ему проект развития торговли с горцами, который был поддержан герцогом [26, с. 301].

В тот период Россия пыталась нащупать оптимальную тактику отношений с горскими народами. Поначалу ставка делалась на феодальную знать и племенных старшин, которые задабривались ценными подарками взамен на обеспечение лояльности со стороны горских племен [9, с. 69]. Делались уступки в пользу «местных традиций», что порою означало узаконивание средневековых пережитков, скажем, взимания платы за проезд по землям феодала [24, с. 47]. Племена присягали на верность России, однако их подчинение Российской короне было зачастую формальным. Такая ситуация была опасной, поскольку Иран и Турция в то время (как, впрочем, и в течение последующих десятилетий) рассматривали в качестве важнейшей военно-политической цели вытеснение России с Кавказа [43, с. 219]. Это превращало Кавказскую линию во «взрывоопасный» участок, что сковывало здесь значительную группировку войск. Между тем влияние Турции на Кавказе оставалось сильным, и одна из главных причин тому – торговля: основную часть товаров горцы традиционно получали с турецкого берега. Так что план организовать черноморскую торговлю с горцами выглядел перспективным и во многих отношениях целесообразным: это наладило бы дружественные отношения с горскими племенами, пошатнуло турецкие позиции в регионе и оживило торговлю на юге России. Закономерно, что Ришелье, которому подчинялась, кроме прочего, и администрация Северо-Западного Кавказа, с энтузиазмом поддержал проект, снабдил Скасси «небольшой суммой денег» [26, с. 302] и, поручив завязать знакомства с влиятельными горцами, направил в Анапу, принадлежавшую в тот период России.

По донесению Скасси, в 1811 г. в Анапе, благодаря содействию супруги коменданта генерала К. К. Бухгольца, он «наладил отношения с черкесами, которые

часто приезжали к ней» [28, с. 281]. Забегая вперед, скажем, что знакомство Скасси с комендантшей Анапы позднее дало повод Ф. Ф. Вигелю изложить (в «Записке о Керчи») до экзотизма колоритную историю: якобы Скасси добился особого расположения г-жи Бухгольц – черкешенки, некогда взятой в плен и долго жившей в качестве наложницы в доме губернатора Тавриды В. В. Каховского. Эта черкешенка, хотя и вышла после смерти Каховского замуж за генерала Бухгольца, но, по словам Вигеля, сохраняла многие горские привычки и знакомства. Герцог Ришелье – опять же со слов Вигеля – решил воспользоваться чувством, возникшим между Скасси и черкешенкой, и предложил им совершить совместную экспедицию по Кавказу для налаживания торговых связей, причем возлюбленная Скасси, выполняя миссию, проявила значительно большие усердие и мужество, чем генуэзец [7, с. 36–38]. Трудно сказать, что в этой легендарной истории правда, поскольку Вигель имел повод (об этом скажем позже) быть предвзятым к Скасси. Из более объективных источников известно лишь, что супруга анапского коменданта Екатерина Михайловна Бухгольц – действительно черкешенка из абадзехского дворянского рода Дауровых, в 1791 г. была взята в плен при овладении Анапы; когда же вышла замуж за Бухгольца, то «ее родство с влиятельными горцами <...> стало благотворно действовать на отношение горцев к русским» [5, с. 47]. Е. М. Бухгольц пользовалась большим влиянием среди горцев, и потому российские власти прибегали к ее помощи даже и после того, как ее супруг перестал быть комендантом Анапы [21, с. 209–210]. Вообще же, Екатерина Михайловна была «известна радушным гостеприимством, которое она оказывала всем посещавшим Анапу» [18, с. 18.], так что за ее помощью, оказанной Скасси, могло и не скрываться никакой романтической истории.

Так или иначе, а Скасси удалось заручиться доверием ряда влиятельных горцев. Он нанял бриг (неясно, на какие деньги), в мае 1811 г. нагрузил его казенной солью и в течение 1811–1812 гг., несмотря на войну с Турцией, успешно заводил знакомства с кавказскими старшинами, так что владетель Геленжика, князь натухайцев, «поручил Ришелье двух своих сыновей для воспитания в Одесском лицее» [26, с. 302].

В 1812 г. по Бухарестскому миру Анапа и Суджук-Кале (нынешний Новороссийск) вернулись в руки турок. Учитывая, что Черкесия номинально входила в состав Турции, Скасси пришлось действовать среди горцев в качестве частного лица, но в 1813 г. он уже выполнял там официальную миссию по выкупу пленных. В 1814 г. Скасси завел факторию в устье реки Пшады [14, с. 22], в то же время власти предоставили ему транспортное судно «Дунай», и он осуществил удачный обмен крымской соли на кавказский строевой лес, который доставил в Севастополь [28, с. 284]. Кроме того, Скасси продолжал поиск русских пленников. В 1816 г. им было выкуплено из плена 27 человек [27, с. 290]. Судя по всему, Ришелье был удовлетворен ходом дел, так что в 1816 г. представил императору Александру и самого Скасси [26, с. 304], и его отчет о проделанной работе с соображениями на будущее [28]. Император решил поддержать начинание и, приняв Скасси на службу в МИД в чине надворного советника [26, с. 304], распорядился отпустить ему по символической цене 100 000 пудов соли для торга с кавказцами [27, с. 288]. Однако транспортное обеспечение торговли оставалось большой проблемой, и Скасси решился вложить в

предприятие собственные средства. Он купил шхуну «Черкесия», которая совершила «множество походов» к Кавказскому берегу с 1817 по 1820 г. [29, с. 421]. В 1818 г. командовал шхунной тогдашний компаньон Скасси – Тетбу де Мариньи, оставивший подробное описание кавказских рейсов «Черкесии» [14]. Впрочем, успехи Тетбу по налаживанию отношений с горцами, кажется, его не удовлетворяли, и, «будучи тем обескураженным, он подал в отставку» [3, с. 45]. Что касается «Черкесии», то в октябре 1820 г. она затонула во время шторма у берегов Кавказа [29, с. 421], а это, несомненно, было серьезным финансовым ударом для ее владельца – Скасси. Тем более что в августе того же года во время шторма погибло еще одно судно, «Ласточка», которое, по всей видимости, также принадлежало Скасси и оценивалось почти в 29 тыс. руб. [27, с. 290]. Если судить по письмам, которые Скасси отправлял в Геную брату и которые наполнены извинениями, значительная часть денег, вложенная Скасси в кавказскую торговлю, была одолжена ему братом, а возвращение долга находилось под большим сомнением [29, с. 432].

Тем не менее Скасси мог надеяться на радикальное улучшение ситуации. Еще в мае 1820 г. он узнает, что правительством поддержаны проекты, которые он «продвигал» в течение нескольких лет. Речь шла об открытии Керченского порта и оказании серьезной государственной поддержки торговле с горцами [29, с. 428–429]. На законодательном уровне решения были закреплены в октябре 1821 г.: в Керчи открывался торговый порт, в функции которого, среди прочего, входило и обеспечение кавказской торговли; учреждалось Керчь-Еникальское градоначальство, создавалось специальное Попечительство с главной квартирой в Керчи, обязанное организовывать торговлю с горцами, и наконец, определялись правила и льготы для торговли с кавказскими народами [20, с. 874–881]. На должность попечителя Керченской и Бугазской торговли назначался Скасси с присвоением ему чина коллежского советника. Ему «заимообразно» выделялось 200 000 руб. для организации торговли с горцами [26, с. 307].

Скасси был вправе воспринимать и Керченский порт, и Попечительство как собственное детище, ради которого он за несколько лет «достучался» во все кабинеты чиновничьей иерархии и добился аудиенции самого императора. И вполне объяснимо его желание представить это детище в самом благоприятном свете в своей парижской публикации, точно так же, как и в общении с гостями Керчи, например, с англичанином Р. Лайэллом, которому в 1822 г. Скасси воодушевленно рассказывал о намерении использовать для торговли с Кавказом пароходы [1, с. 8]. В парижской «Записке...» перспективы кавказской торговли выглядят безоблачными, что закономерно для статьи презентационного характера. Но читатель мог обратить внимание на такую, например, странность. Если сравнить приводимые Скасси перечни российских и кавказских товаров, то выясняется, что по ряду позиций происходит дублирование (мед, воск, пушнина), так что наиболее эффективной моделью торговой операции между Керчью и кавказским побережьем выглядит обмен крымской соли на кавказский строевой лес, а остальное – не гарантирует особенно больших оборотов. Характерно, что в том же 1822 г. Скасси удалось отправить к кавказским берегам 3 торговых судна, два из которых были нагружены

исключительно солью, и лишь одно – принадлежавшее феодосийскому купцу Лагорио – было в добавление к соли загружено и иными товарами [37, с. 64].

Но трудности торговли с горцами заключались не только в этом. В донесениях, не предназначавшихся для печати, Скасси указывал, что успешному развитию этой коммерции препятствует «настроенность черкесов против России», в основании чего лежит несколько причин: вражда с черкесами казаков и недобросовестность чиновников, междоусобицы, «пророчество, существующее между ними, якобы они должны быть погублены Россией», турецкое противодействие и торговля пленниками [27, с. 285].

Чиновники (современники Скасси), а также позднейшие историки, анализируя ситуацию, не просто приходили к похожим выводам, но и дополняли перечень препятствий, существовавших для торговли с горцами. Позднее, в 1835 г., когда вопрос о коммерческих отношениях с Кавказом снова привлек внимание высшего руководства страны, министру финансов Е. Ф. Канкрину было поручено усовершенствовать правила этой торговли. Канкрин запросил информацию на местах. Эта информация представляет собой интересный анализ целого периода в торговле с горцами. Так, керчь-еникальский градоначальник З. С. Херхеулидзе доносил о своих выводах, к которым он пришел на основании документов за 1823–1825 гг. По его убеждению, неуспех торговли был обусловлен, например, тем, что обмен товаров мог осуществляться лишь при условии покровительства со стороны влиятельных горцев (кунаков), а это вело к тому, что почти все выгоды от льгот, обеспеченных этой торговле Россией, уходили на подкуп «кунаков» и «на удовлетворение самовольных требований необузданных горцев» [2, с. 638]. Кроме того, купцы, прибывавшие на кавказский берег, не имели гарантий собственной безопасности, Турция продолжала снабжать горцев всем необходимым, а многолетняя война препятствовала восстановлению «покойных мирных отношений» [2, с. 638]. В том же духе высказывался и командующий войсками на Кавказе барон Г. В. Розен, который, указывал, что торговле вредило «большое количество пленников, продаваемых черкесами туркам, взамен чего получали они оружие, порох и все к жизни потребное» [2, с. 640]. Действительно, работоторговля на Кавказе того периода имела значительные масштабы. В среднем из Черкесии ежегодно вывозилось в Турцию около 4 000 рабов, причем барыш был настолько велик, что турецкие контрабандисты были готовы даже к потере 9 транспортов с невольникам из 10: доход все равно оставался значительным [11, с. 41]. Борьба с такой контрабандой осложнялась тем, что «англо-турецкие коммерсанты пользовались негласной поддержкой со стороны своих правительств <...> как из экономических, так и политических соображений» [11, с. 40]. Центром кавказской работоторговли являлась Анапа [13, с. 36], и, конечно, российским купцам, которые не покупали рабов и не имели права продавать горцам оружие, было трудно конкурировать с турецкими контрабандистами.

И все же Турция опасалась усиления российских торговых позиций на кавказском побережье и пыталась их торпедировать, используя кавказцев в своей борьбе против России [40, с. 62]. Так, скажем, в 1819 г. анапский паша направлял в

горы агентов, которые сеяли возмущение среди адыгов и склоняли их к нападению на русские селения [39, с. 16].

Между тем необходимость для российских купцов задаривать «кунаков» вела к развитию не столько торговли, сколько – «иждивенчества верхушки адыгского общества» [21, с. 100], притом что «подарки» вовсе не гарантировали спокойных условий торговли. Упомянутая уже фактория Скасси на реке Пшада в 1823 г. была разорена горцами, и ее пришлось заново устраивать в Геленджике [29, с. 431]. В то же время оставались сильны торговые традиции: купцы предпочитали старинный путь через Астрахань в Тифлис [37, с. 64], хотя это и вело к удорожанию товаров на 50–80 % [44, с. 37]. Ко всему присоединялись преходящие трудности. Так, в 1822 г. – в год публикации «Записки...» Скасси – торговля с черкесами была временно прекращена из-за эпидемии чумы [21, с. 136]. Словом, торговать на Кавказе было не многим безопаснее, чем воевать на Кавказе.

Проблемы кавказской торговли были запрограммированы даже той иерархической нишей, в которой оказалось Попечительство этой торговлей. Получалось так, что Попечительство повторяло функции «параллельных» ведомств. Так, Керченский порт (а фактически и город Керчь), по существу, оказывался в ведении и попечителя Скасси, и керчь-еникальского градоначальника. Пока до 1823 г. решение о персоне на должность градоначальника не было принято, Скасси мог себя чувствовать полноправным управляющим портом, да и городом. Когда в 1823 г. градоначальником назначили А. В. Богдановского, то Скасси еще как-то удавалось соблюдать баланс полномочий, но позднее, с приходом в 1827 г. на пост градоначальника Ф. Ф. Вигеля противоречия, видимо, оказались неразрешимыми. Неизвестно, какими способами боролся за первенство в этой конкуренции Скасси, но Вигель решился нанести серьезный удар по репутации «попечителя», составив и распространив в анонимных списках свою «Записку о Керчи» (датируется октябрём 1827 г. [8, с. 99]), где Скасси представлен в качестве авантюриста и мошенника под стать графу Калиостро. Возможно, какие-то факты, представленные Вигелем, на самом деле имели место. Но очевидно, что искажений действительности в записке Вигеля немало. Например, он высказывает сомнение в том, что Скасси вообще бывал в Кавказских горах и устроил торговый двор в Пшаде, хотя, несомненно, что поездки на Кавказ Скасси совершал, а пшадская фактория существовала и пользовалась известностью; во всяком случае, кавказский генерал Г. И. Филипсон в своих мемуарах называл ее «славной» [41, с. 113]. Так что «Записку...» Вигеля, думается, можно воспринимать как колоритную иллюстрацию его противостояния со Скасси, но никак не в качестве объективного источника об истории русско-кавказской торговли.

Устранение административных противоречий во многом зависит от персональных свойств характера должностных лиц, а Скасси, судя по всему, необходимыми для этого свойствами обладал мало, что и сказалось на его отношениях с командующим на Кавказе генералом А. П. Ермоловым.

К 1816 г. в Петербурге созрело понимание, что кавказские дела, пущенные на самотек, чреватые серьезным ухудшением ситуации. Ставка, которая делалась правительством на привычные для горцев формы власти (по сути, делегирование

государственной власти местным феодалам), уничтожала эффективность управленческой системы. Местная знать усиливала произвол в отношении подданных, но теперь делала это под эгидой российской власти, что настраивало горцев враждебно в отношении России [9, с. 70–71]. Между тем Кавказ оставался наиболее уязвимой политической точкой. Помимо притязаний Персии и Турции, он входил в сферу британских колониальных интересов: после 1812 г. Лондон обсуждал планы закрепления за собой ряда кавказских территорий [38, с. 58], причем Англия «рассматривала Кавказский хребет как предел распространения России на юг, в азиатски страны» [30, с. 179–180].

Чтобы переломить ситуацию, командующим на Кавказ был назначен талантливый военачальник и европейски образованный администратор генерал Ермолов. В ведении Ермолова находились не только армейские вопросы, но и хозяйственно-административное устройство края, поэтому при каждой возможности русская армия «превращалась в большой отряд строителей, занятых на общественных работах» [9, с. 73]. Однако для Ермолова было очевидным, что любые гражданские преобразования не будут иметь эффекта, если не удастся пресечь постоянные набеги и похищения пленников с целью выкупа или продажи в рабство. Это заставляло Ермолова строить новые крепости, жестко пресекать попытки набегов. Так что управленческие и экономические преобразования на Кавказе осуществлялись им, по сути, в боевой обстановке.

Как помним, в том же 1816 г. по линии министерства иностранных дел получил поддержку своей миссии и Скасси. Вопросы кавказской торговли превратились в объект столкновения позиций и интересов двух ведомств. Видимо, Скасси при этом не был готов к существенным компромиссам и вызвал неудовольствие Ермолова, который должен был воспринимать «гражданского», действующего в зоне его ответственности, но без согласования с ним, в качестве досадной помехи.

В 1822 г. раздражение Ермолова «вылилось на бумагу». В то время министр иностранных дел К. В. Нессельроде сообщил Ермолову о создании Керченского порта и Попечительства торговли с горцами, причем просил генерала оказывать всякое содействие Скасси [45, с. 20]. Но обратим внимание на такое обстоятельство: указы о создании Керченского порта и Попечительства датированы 10 октября 1821 г., а двумя днями ранее, 8 октября, появился именной указ императора, который содержал подробные предписания Ермолову по организации кавказской торговли [20, с. 971–872]. То есть дублирование функций оказалось окончательно узаконенным. Это не могло не вызвать пылкой реакции Ермолова, который в ответном письме Нессельроде назвал работу агентов Скасси «ничтожной», а самого Скасси упрекнул в отсутствии даже «поверхностных сведений» о Кавказе [45, с. 20–21].

В дальнейшем отношения между Скасси и Ермоловым только обострялись, поскольку попечитель торговли продолжал вмешиваться в сферу ответственности генерала. Известно, что Скасси писал на Ермолова «обличительные доносы» [3, с. 46], требовал, чтобы главноуправляющий Черноморского казачьего войска по охране границ от набегов горцев М. Г. Власов не допускал силовых действий в отношении племен, с которыми Скасси наладил торговые связи [42, с. 122–123], то

есть добивался, чтобы армия действовала не из соображений военной необходимости, а по требованиям коммерческой целесообразности. В 1828 г. Скасси на основании подобного же повода вступил в конфликт с А. С. Меншиковым, руководившим осадой Анапы.

Вероятно, такое умение находить себе врагов сыграло свою роль в том, что Скасси попал под следствие, был отставлен от службы, а Попечительство торговли с горцами было в 1829 г. упразднено. Как выяснил В. Ф. Санжаровец, Скасси, оставшись не у дел, осел в керченском имении, где посвящал себя хозяйственным заботам, и «за труды по лесоводству и садоводству» в 1833 г. удостоился награды Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Умер между 1843 и 1847 гг. [29, с. 433–434].

Если рассуждать с позиций времени, то торговля с горцами, организацией которой занимался Скасси, конечно, была для России политической необходимостью. Однако реализация этого замысла была связана с преодолением такого количества объективных и субъективных препятствий, что вряд ли существовала возможность решить проблему с первого приступа. Миссия Скасси в конечном итоге завершилась неудачей, однако опыт, приобретенный в ходе ее исполнения, был использован в дальнейшем (например, Канкриным в 1835 г.) для устройства торговых отношений с горцами на новых основаниях. Что касается парижской «Записки...» Скасси, то она укладывалась в план развития торговли с Кавказом, предполагавший зарубежную рекламу Керченского порта. Была ли замечена эта информация французскими промышленниками, сказать трудно. Зато известно, что на публикацию Скасси отреагировал парижский журнал «Энциклопедическое обозрение». Что характерно, в его рецензии на статью Скасси кавказская торговля даже не упоминается, а все внимание сосредоточено на природных особенностях Керчи и на ее древностях. Вот текст этой рецензии: «Керченский порт находится в подчинении Одессы. Город расположен у подножия гряды холмов, самый высокий из коих сохраняет имя *Митридатова кресла*, неподалеку от древних руин *Пантикапея* на *Босфоре Киммерийском* на полуострове, который соединяется с Крымом *Феодосийским перешейком*. Этот полуостров обладает превосходным плодородием; на его тучных пастбищах пасутся стада овец, называемых астраханскими, и табуны лошадей. В проливе и в Азовском море весьма обилён промысел осетра; еще одно достояние этих мест – соляные копи; здесь хорошо растут виноград и каперсы; целебные и обильные воды способствуют приятности жизни как в городе, так и в его окрестностях. Сей город, представляющий новые коммерческие ресурсы, достоин внимания также путешественников, коллекционеров и ученых. Кроме того, что европейцы обнаруживают здесь новую для себя природу, животных и растения, которые не встречаются в иных местах, знатоки сумеют собрать здесь большую жатву, исследуя развалины и памятники древности и средневековья» [48].

Показательно, что и сам Скасси парижскую «Записку...», посвященную Керченскому порту, начинает именно с исторических данных: «Город Керчь, расположенный у подножия гряды холмов, самый высокий из коих <...> сохраняет имя *Митридатова кресла*, находится неподалеку от руин древнего *Пантикапея* на

берегу Таманского пролива <...>, некогда называвшегося *Босфором Киммерийским*». Завершается «Записка...» Скасси довольно объемным (как для «сопутствующей» информации о гавани) и пафосным пассажем о памятниках древности. Причем автор явно стремится продемонстрировать, что неплохо знаком с историческими источниками о регионе. Он не просто упоминает Страбона, но и называет древнюю Тамань островом: так ее называл Страбон [32, с. 470] и такую она действительно была в античную пору [10]. Примечательно и то, что далее Скасси не просто сообщает о недавно вышедшей книге, посвященной керченским древностям, французского археолога Д. Рауль-Рошетта, но и указывает на важный вклад И. А. Стемповского в подготовку этого издания. Завершается статья упоминанием о неких мерах, предпринятых русским правительством, для сохранения керченской старины. Речь, разумеется, идет о высочайшем повелении 1805 г., запрещавшем путешественникам собирать археологические ценности на казенных землях.

Вся эта информация никоим образом не связана с коммерческими задачами Керченского порта и обязанностями Скасси как попечителя торговли с черкесами. Тогда зачем Скасси вводит все эти данные в статью?

В самом начале XIX в. удаленная от больших путей, почти обезлюдившая, лишённая архитектурных украшений и торгового значения, Керчь не могла привлекать к себе большого внимания. Однако уже тогда здесь появлялись «любопытствующие» [25, с. 188], которые отыскивали в окрестностях города антики. В 1810–1820-х гг. сложился кружок археологов-любителей, занятых исследованием керченских древностей [15; 16, с. 75–81]. В этот кружок входил и Скасси. Среди его ближайших единомышленников – начинатель керченских раскопок П. Дюбрюкс, а также много лет исполнявший функции личного секретаря при герцоге Ришелье и, пожалуй, наиболее осведомленный в области археологии среди всех любителей старины тогдашнего Юга России, чиновник и исследователь И. А. Стемповский.

Можно не сомневаясь сказать, что для Скасси археологические изыскания были делом совершенно искреннего и глубокого интереса. Вскоре после публикации парижской «Записки...» об открытии Керченского порта Скасси составит записку на имя М. С. Воронцова «Древности Керченского полуострова» [34, с. 42–46], в которой будет убеждать генерал-губернатора в необходимости планомерных раскопок в Керчи и создании там музея древностей. И что характерно – убедит! В 1826 г. Керченский музей древностей будет открыт.

Скасси сам предпринимал в Керчи раскопки (известен т. н. «раскоп Скасси»), обнаружил ряд ценных артефактов [23, с. 14–15], наиболее известным из которых является статуя сидящей богини Кибеллы [33, с. 123]. Причем эту статую Скасси подарил Керченскому музею, откуда она со временем попала в Эрмитаж [33, с. 145]. Понятно, что такой исследовательский энтузиазм сближал Скасси с Дюбрюксом и Стемповским, и понятно желание Скасси использовать французскую публикацию как возможность во всеулышание заявить о ценности керченских древностей. Но важно сознавать, что «археологическое отступление» в парижской «Записке...» Скасси, да и сам факт публикации этой «Записки...» были следствием не только личного порыва, но и важной тенденции, которая во многом определила характер освоения крымских древностей в российской науке той поры.

Суть этой тенденции очень точно описана И. В. Тункиной [35]. В первой трети XIX в. в российской археологии, делавшей свои первые шаги, произошло разделение на столичную (академическую) и провинциальную (любительскую) науку. Представленная академиками Е. Е. Келером, Х. Ф. Грефе, Ф. И. Кругом и другими учеными, столичная наука, сосредоточиваясь на письменных, эпиграфических и нумизматических источниках, в качестве «символа веры» имела широкую эрудицию и носила по большей части кабинетный, книжный характер. Одновременно в Одессе и Керчи стихийно складывалось сообщество любителей старины, состоявшее из людей образованных, но по понятным причинам не имевших академической эрудиции и специальной научной подготовки. К числу этих людей как раз и принадлежали Стемпковский, Дюбрюкс, Скасси и некоторые другие, среди которых отметим И. П. Бларамберга, поскольку о нем еще предстоит говорить далее. Закономерно, что, находясь на месте древних поселений, именно эти ученые-дилетанты прежде всего и были заняты «практической археологией» – сбором антиков и первыми раскопками. Именно они – методом проб и ошибок, на ощупь – вырабатывали методологию раскопок и принципы отношения к археологическому материалу.

Строго говоря, такое разделение на академическую и дилетантскую, стихийную науку, пожалуй, неизбежно и имело место во все времена, и вопрос лишь в том, находят ли возможность представители двух этих научных уровней консолидировать исследовательские усилия на благо науки в целом. В 1820-х гг. такая консолидация давалась очень трудно, и не последним препятствием на ее пути была «ученая позиция» хранителя Кабинета антиков и медалей Императорского Эрмитажа, академика Е. Е. Келера, который «всячески оберегал “монопольную ситуацию”, сложившуюся в русском антиковедении первой трети XIX в.» [35, с. 370].

Ощущая манеру столичного академического общества воспринимать археологию как достояние узкого круга «посвященных» и смотреть скептически на исследовательские попытки «любопытствующих» провинциалов, эти самые провинциалы закономерно искали доступ к более широкой ученой аудитории, нежели круг петербургских академиков. Оптимальным выходом в такой ситуации становилось обнародование трудов в европейской печати. В эпоху Николая I публикации российских подданных за границей окажутся сопряжены с целым рядом затруднений [19, с. 475–499], но во времена Александра I единственная сложность заключалась в том, чтобы заинтересовать зарубежных издателей, а как раз это «керченским дилетантам» и удалось.

Наиболее значительными научными связями во Франции обладал И. А. Стемпковский. Еще в 1814 г. вместе с Ришелье он отправился в Париж, где поначалу находился при Главной квартире императора, а после – в составе отдельного корпуса, остававшегося во Франции до 1818 г. За это время он смог приобщиться к последним достижениям науки и, «получив <...> доступ в парижскую Академию надписей и словесности, приобрел дружбу неперменного секретаря Академии, известного корифея археологов Раул-Рошета и через посредство его избран был в члены-корреспонденты этой академии» [4, с. 99]. В 1821–1822 г. Стемпковский, находясь за границей на лечении, снова провел много времени в

Париже, куда привез все свое собрание монет, «чтобы показать его ученым нумизматам, с коими он находился в сношениях» [6, с. 191]. Это парижское пребывание оказалось весьма плодотворным, поскольку Стемпковскому в 1822 г. удалось опубликовать в Париже свое исследование «Notice sur les médailles de Rhadameadis, roi inconnu du Bosphore Cimmerien, découvertes en Tauride en 1820» [Записка о медалях неизвестного боспорского царя Радамидиса, найденных в Крыму в 1820 г.]. В том же году собрание Стемпковского послужило основой для книги Д. Рауль-Рошетта «Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien» [Греческие древности Босфора Киммерийского]. В предисловии консерватор Кабинета антиков и медалей Парижской библиотеки Рауль-Рошетт особо оговаривал вклад Стемпковского в подготовку издания: «Часть надписей и медалей, которые представлены в этом собрании, происходят из кабинета г-на Стемпковского, другая часть – из еще более значительной коллекции, также собранной в Одессе российским статским советником г-ом де Бларамбергом. Г-н Стемпковский не ограничился тем, что переслал мне чрезвычайно тщательные и точные рисунки древностей, которыми располагает; я обязан ему также многими весьма проницательными идеями относительно происхождения и толкования этих древностей, и я постараюсь отдавать ему дань почтения всякий раз, когда мои собственные исследования будут опираться на эти идеи. Я должен также сообщить читателям о надежде, которую мне подал г-н Стемпковский, в ближайшее время пополнить новыми открытиями наши знания о древней истории края, в котором он живет» [49, р. 1–2].

Именно об этой книге говорит Скасси в своей французской статье, явно опираясь на только что цитированное предисловие Рауль-Рошетта. Однако в отзыве Скасси в глаза бросается одна деталь: по его словам, древности в коллекции Стемпковского были собраны не только на Юге России, но и пересылались Стемпковскому из Парижа. О каких «пересланных из Парижа» предметах идет речь – неясно. По оценке того же Рауль-Рошетта, количество боспорских древностей в европейских кабинетах было весьма невелико по сравнению с музеями Одессы, Николаева и Феодосии [49, р. 1–2]. Возможно, имеются в виду описания древностей, которые, хоть в малом количестве, но все же были в Европе. Стемпковский, конечно, должен был интересоваться этими описаниями, и именно эти описания французские коллеги-археологи могли пересылать ему. Кстати, Рауль-Рошетт указывает на предметы, которые уже были описаны прежде во французских источниках [49, р. 119, 144, 226 и др.].

Важно вот еще что: Стемпковский сумел организовать в Париже публикацию не только собственных исследований, но и находок, сделанных Бларамбергом. И. П. Бларамберг был фландрийским дворянином, с 1808 г. служил в Одессе, с 1811 г. начал собирать коллекцию древностей, значительную часть которой потом подарил Ришельевскому лицу и Одесскому музею [36, с. 110]. В 1825 г. именно он будет реализовывать идею Скасси по созданию Керченского музея, который сам и возглавит (а помимо того, будет руководить Одесским и Феодосийским музеями).

В 1822 г. находки, принадлежащие Бларамбергу, дали материал не только для книги Рауль-Рошетта. Еще две книги в том же году были выпущены в Париже, хотя и с некоторыми дополнениями Рауль-Рошетта, но под именем самого Бларамберга: о

древностях, найденных в Крыму [47], и об античных медалях Ольвии [46]. Кстати уж скажем, что в 1822 г. в Вене собственное описание крымских древностей опубликовал П. И. Кеппен [17, с. 215].

То есть 1822 год для керченских любителей древности стал, благодаря Стемпковскому, настоящим прорывом к французскому, а стало быть, европейскому ученому читателю. И парижская «Записка...» Скасси была частью этой волны публикаций. Закономерно предположить, что именно Стемпковский посодействовал размещению статьи Скасси, поскольку ему были близки и интерес гегуэца к крымским древностям, и его идея Керченского порта. И обратно: сам Скасси включал в свою публикацию материал, который мог быть поддержан и одобрен его соратником Стемпковским.

Если говорить о результатах мобилизации керченского кружка археологов в 1822 г. для выступления в парижской печати, то, конечно, прежде всего следует сказать о том, что они таким образом осуществили важный шаг по обмену научной информацией. Но что удивительно, не все восприняли это в качестве научного достижения. Академик Е. Е. Келлер обрушился на публикации «дилетантов» с суровой критикой. Причем, по оценке Тункиной, «резкий тон отзывов Е. Е. Келера о трудах провинциалов зачастую переходил допустимые границы научной этики»: «Вместо спокойной конструктивной критики на первый план вышла капризная раздражительность и придирки по мелочам» [35, с. 367]. Не избежала его «резкой, во многом необъективной и пристрастной» [35, с. 366] рецензии и книга Рауль-Рошетта.

Причем «эхо» от рецензии Келера достигло широкого читателя. Так, в 1823 г. «Вестник Европы» между делом сообщал: «Редактор имеет теперь достоверное сведение, что Рауль-Рошетт по большей части пользовался богатым, чрезвычайно любопытным кабинетом г-на статского советника Бларамберга, который и сам описал Ольвиопольские медали, как любитель и знаток ученый. Наш одесский археолог имеет справедливую причину сетовать на парижского за некоторые слишком сомнительные его показания и за неисправность в гравировании, некоторые медали жалким образом изуродованы» [12, с. 307–308]. Этот пассаж принудил Стемпковского обратиться в журнал с открытым письмом, где он заявил, что мелочные ошибки, неизбежные в большом труде, всецело искупаются тем, что, благодаря Рошетту, древности, до сих пор «скрытые в пыли кабинетов», а потому «потерянные для ученого света», наконец превратились в важнейший источник об истории Новороссийского края [31, с. 234].

Сколь бы справедливой ни была мысль Стемпковского, но дилетанту-ученому с периферии было трудно нейтрализовать эффект критики, обеспеченный авторитетом академика Келера. А потому результатом этого столкновения между провинциальной и столичной наукой стало лишь то, что керченские и одесские археологи (среди них Стемпковский, Бларамберг, Кеппен) почти утратили связь с Петербургской академией наук, работы свои отправляли за границу, да и вообще стали печататься меньше: «большинство созданных дилетантами исследований 1820-х – начала 1830-х гг. остались неизданными, хотя их публикация существенно бы обогатила науку» [35, с. 368–369].

Возвращаясь к парижской «Записке...» Р. де Скасси, следует заключить, что она не носила строго научного характера, но являлась отражением того духа единомыслия и солидарности, который существовал в 1820-х гг. между очень разными по национальности и роду занятий людьми, увлеченно и самоотверженно создававшими основу археологических исследований Крыма. Возможно, парижская «Записка...» – единственная публикация гёнуэзца, но ее содержание – это обобщенное изложение интересов, надежд и начинаний, которые в первой трети XIX в. владели людьми, открывавшими Тавриду миру, и обеспечили место в истории Крыма в том числе и Рафаилу де Скасси – исследователю, инициатору Керченского музея и создателю Керченского порта.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАПИСКА ОБ ОТКРЫТИИ В КРЫМУ НА ЧЕРНОМ МОРЕ КЕРЧЕНСКОГО ПОРТА

Р<афайл> де С<касси>

Просвещенный государь, правящий судьбами России, в беспрестанном стремлении развивать в своем обширном государстве любой имеющийся в нем источник благосостояния, соблаговолил дать южным областям новое подтверждение своей отеческой милости и, повелев открыть в Крыму Керченский порт, даровал черноморской торговле выгоды, обеспечивающие ее преумножение.

Дабы постичь всю полноту этого благодеяния, будет нелишним бросить взор на расположение и возможности нового предприятия.

Город Керчь, расположенный у подножия гряды холмов, самый высокий из коих, господствуя над городом, сохраняет имя *Митридатова* кресла, находится неподалеку от руин древнего *Пантикапея* на берегу *Таманского пролива* (ошибочно именуемого некоторыми географами *Кафским проливом*), некогда называвшегося *Босфором Киммерийским*. Керченский порт, расположение которого во многом походит на расположение порта Константинопольского, находится в бухте, которая вдается на пять-шесть верст¹ в полуостров, соединяющийся с Крымом посредством Феодосийского перешейка; порт разделен на два бассейна крепостью, у оконечности которой почти на уровне воды видны еще остатки древнего мола, естественным образом защищенного со всех сторон от ветров с открытого моря. Эта просторная и удобная гавань настолько безопасна, что капитаны купеческих кораблей, решившие перезимовать здесь, часто сажают свои корабли на илистую мель, чтобы приберечь тросы; и не было случая, чтобы кто-нибудь разочаровался в чрезвычайной надежности этого места: глубина там позволяет загрузить до двенадцати тысяч пудов (приблизительно двести тонн) у края мола, длина которого не превышает пятидесяти шагов; черноморские суда могут в любую погоду швартоваться здесь и уходить в Азовское море, не опасаясь еникальских отмелей, что за Керчью.

Население Керчи (включая Еникале – небольшой городок в десяти верстах, принадлежащий тому же градоначальству) насчитывает около четырех тысяч жителей и состоит в значительной части из греков-переселенцев, которым

¹ Верста составляет около четверти французского лье.

бессмертная Екатерина II в своем беспредельном благоволении даровала приют и многие привилегии.

Плодородие земель, окружающих город, ни с чем не сравнимо. Керченский полуостров, находящийся между Азовским и Черным морями, обладает самыми прекрасными пастбищами среди южных областей России. Весь этот край, некогда населенный колонистами из Греции, Генуи и Венеции, изобилует напоминаниями о величии, оставленными здесь богатыми торговыми учреждениями двух этих последних республик. Предпосылки к процветанию этого края ныне как никогда многочисленны, и заботливое, активное попечение правительства обеспечивает ему развитие. Окрестности знаменитого Пантикапея, холмы и прекрасные долины мало обработаны, что является следствием апатичности татар, населяющих сельскую местность, и их слабой осведомленностью в области земледелия, но когда торговля привлечет сюда деятельное и предприимчивое население, эта прекрасная, вернувшаяся к первобытному состоянию природа ни за что не уступит иным частям большого полуострова.

На тучных пастбищах здесь пасутся многочисленные стада крупного скота, серых и черных овец с завивающейся шерстью, чьи столь востребованные шкуры известны в торговле под названием *астраханского ягненка*. Содержание этих стад не требует, как в иных местах, большого запаса кормов и обширных строений для защиты от суровых зим. У некоторых помещиков есть конные заводы, которые могли бы быть усовершенствованы за счет скрещивания с прекрасными черкесскими и персидскими породами, однако и в нынешнем своем состоянии они приносят значительные доходы. Так что весьма легко увеличить значение хозяйств подобного рода и к тому же – присоединить к ним стада коз из Ангоры, Астрахани и из областей Каспийского моря, породу которых, происходящую из Тибета, завез во Францию г-н Жубер.

Промысел осетрины, которую засаливают, вялят и продают под названием балыка и от которой получают превосходную икру, на Босфоре и в Азовском море весьма обилён. Даже в Керченской гавани или неподалеку от нее можно обнаружить много ценных видов рыбы, устриц, мидий и т. д. Охота на всем полуострове столь же доходна, сколь и легка.

Еще один источник керченского богатства заключен в изобильных солончаках, использование которых в настоящий момент обеспечивает активное каботажное сообщение с берегами Азовского моря и будет особенно способствовать учреждению предприятий по производству солонины, приготовлению и очистке жира и т. д. Помимо обычной соли, озера дают в большом количестве глауберову соль¹. В окрестностях города находятся источники серы и нефти, карьеры по добыче сланца, шахты для добычи желтой охры и цианида железа, целые холмы очень мелкой глины, которая, несомненно, во времена боспорцев служила для создания великолепных этрусских ваз, до сих пор ежедневно обнаруживаемых под обломками их бывшей столицы; наконец, камень на всем пространстве Керченского полуострова – в изобилии, а его добыча и доставка не составляют большого труда.

¹ Сульфат соды, который сейчас химики называют гидросульфатом натрия.

Нет нужды рассказывать о климате; даже если бы его мягкость не была общеизвестной, то достаточно было бы сказать, что каперсы – столь нежные и чувствительные к холоду – естественным образом произрастают здесь на побережье Черного моря неподалеку от Керчи, а виноград здесь столь хорош, что керчь-еникальское вино является одним среди лучших в Крыму.

Этот город обладает еще одним преимуществом, о котором не лишне будет упомянуть, поскольку оно касается здоровья граждан: в городской черте находятся источники с великолепной водой и точно такие же можно обнаружить повсюду в ближайших окрестностях, особенно – в том месте, где будет построен новый карантин. Наконец, природа наделила эту гавань всем, чтобы она могла служить одним из лучших мест для устройства коммерческих складов, которые обеспечивали бы часть южных и азиатских областей России. Действительно, расположение Керчи и легкость морских перевозок чрезвычайно способствуют спекуляциям, которые, не испытывая более перебоев, удвоят свою активность. Купцы посредством каботажа смогут привозить все, что производится в России: зерно, железо, медь, жир, шерсть, сафьян, пушнину всех сортов, мед, воск, икру, рыбий клей, льняное семя, пеньку, парусину и т. д. и т. п. Таким образом, суда, которые не рискнут заходить в Азовское море или придут в такое время, когда навигация по нему закрыта, найдут грузы здесь же и смогут увеличить количество своих переходов. Земли черноморских казаков, что напротив Керчи на берегу Таманского пролива и на берегах Азовского моря, весьма плодородны и питают огромные стада. У казаков также весьма значителен рыбный промысел. Земледелие этого многочисленного населения, поддержанное появлением нового рынка, даст торговле богатую продукцию, воспользоваться которой будет нетрудно благодаря скорости транспортного сообщения.

Керчь будет пользоваться теми же правами и преимуществами, что Таганрог и Феодосия (Кафа). Соседство с берегами Черкесии и Абазы превращает ее в наиболее подходящий пункт для меновой торговли, которую можно наладить с кавказскими народами и все выгоды которой трудно переоценить, если учесть, что универсальным средством обмена у них является соль и что русское правительство, чтобы поддержать эту торговлю, предоставляет соль из своих озер на две трети дешевле, нежели она стоит по всей империи, а к тому же на десять лет снимает всякие таможенные пошлины с импорта черкесских и абазинских товаров, которые по большей части состоят из породистых лошадей, пресно-сухих шкур, пушнины, воска, меда, великолепного корабельного и строительного леса, древесины для инкрустаций и изготовления изящных предметов, чернильного орешка, сушеных фруктов, лаврового листа и т. д. и т. п. Русские товары, предназначенные для этой торговли, будут освобождены от вывозных пошлин на тот же срок. Эта торговля, которую с таким успехом вели генуэзцы, процветала, пока падение греческой империи не закрыло для их кораблей вход в Черное море; руины их поселений еще видны в разных местах по берегам Черкесии и Абазы, ставших с тех пор столь негостеприимными; и почтение, по традиции питаемое черкесами к этому предприимчивому народу, является залогом процветания меновой торговли, которая будет вестись с ними.

Долгое время над развитием этой торговли работал коллежский советник министерства иностранных дел г-н шевадье де Скасси, и именно ему Его Императорское Величество соизволил доверить организацию этих новых предприятий и управление ими под началом его превосходительства г-на графа де Ланжерона, генерал-губернатора южных губерний, которому непосредственно подчинены губернаторы (градоначальники) коммерческих портов Черного и Азовского морей.

Коммерческие и аграрные ресурсы, с обзором которых мы только что бегло ознакомились, не являются единственным достоянием Керченского полуострова; эта область еще более интересна с иной точки зрения: окрестности Керчи, где расположены развалины Пантикапея и Нимфея – городов, знаменитых во многих отношениях, остров Тамань, где некогда существовали Киммерик и Фанагория – города, славные своей торговлей и силой, да и вообще вся территория, омываемая Босфором и столь точно описанная Страбоном, содержат богатейшие древности; памятники, погребенные под руинами славных городов этого края, станут факелом, позволяющим проникнуть во мрак прошлого этой земли, столь часто переживавшей исторические потрясения и потому окутанной покровом неизвестности. Гигантские, или, если быть более красноречивым, циклопические сооружения наверняка скрывают в себе сокровища древности. Исследование этих скрытых под множеством обломков сооружений откроет широкое поле для научных изысканий. Правда, во время своих нашествий татары, верные разрушительным обычаям, снесли храмы, искалечили статуи и использовали драгоценные обломки греческого и римского искусства, чтобы бросить их в фундаменты своих крепостей и мечетей. С тех пор, как Крым под российской державой снова вернулся к цивилизации, путешественники, любители старины, стремятся посетить этот столь богатый древностями край и найти здесь множество статуй, надписей, ваз, медалей и т. д. и т. п. Но эти ценности, рассеявшись по разным странам, оказались потерянными для истории¹. К сохранению этих богатых трофеев приняты благоразумные меры, и отныне наука не будет оплакивать столь прискорбные утраты.

Список использованных источников и литературы

1. Авсенова С. Н. Керчь конца XVIII – первой трети XIX века в записках иностранных путешественников / С. Н. Авсенова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 26 (65). – 2013. – № 1. – С. 3–8.

Avsenova S. N. Kerch' kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka v zapiskakh inostrannykh puteshestvennikov / S. N. Avsenova // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». Tom 26 (65). – 2013. – № 1. – S. 3–8.

2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. – Тифлис, 1881. – 1009 с.
Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei. T. VIII. – Tiflis, 1881. – 1009 s.

¹ Благодаря усердию и исследованиям ученого г-на Рауль-Рошетта, у нас будет, однако, труд об этих исторических памятниках. Он только что с редкостным тщанием и успехом опубликовал греческие древности Босфора Киммерийского и пояснения к ним. Многие русские собирают коллекции медалей, которые находят в этом краю. Среди ученых археологов этой нации упомянем г-на Стемпковского, который оказал любезность, передав г-ну Рауль-Рошетту древности, которые собрал сам и которые ему прислали из Парижа.

3. Ачмиз К. Г. К вопросу о характере русско-адыгских торговых отношений в годы Кавказской войны / К. Г. Ачмиз // Вестник Адыгейского государственного университета. – Вып. 4 (148). – Майкоп, 2014. – С. 43–52.
Achimiz K. G. K voprosu o kharaktere russko-adygskikh torgovykh otnoshenii v gody Kavkazskoi voiny / K. G. Achmiz // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. – Вып. 4 (148). – Майкоп, 2014. – С. 43–52.
4. Ашик А. Б. Некролог <И. А. Стемповского> / А. Б. Ашик // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. – Одесса, 1863. – С. 907–914.
Ashik A. B. Nekrolog <I. A. Stempkovskogo> / A. B. Ashik // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. T. 5. – Odessa, 1863. – С. 907–914.
5. Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы / Н. И. Веселовский. – Пг.: Тип. гл. упр. уделов, 1914. – 74 с.
Veselovskii N. I. Voенно-istoricheskii ocherk goroda Anapy / N. I. Veselovskii. – Pг.: Tip. gl. upr. udelov, 1914. – 74 s.
6. Веселовский Н. И. О приобретении для Императорского Эрмитажа нумизматической коллекции И. А. Стемповского / Н. И. Веселовский // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 51. – Симферополь, 1915. – С. 186–195.
Veselovskii N. I. O priobrenenii dlya Imperatorskogo Ermitazha numizmaticheskoi kolleksiі I. A. Stempkovskago / N. I. Veselovskii // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. T. 51. – Simferopol', 1915. – С. 186–195.
7. Вигель Ф. Ф. Записка о Керчи / Ф. Ф. Вигель // Вигель Ф. Ф. Записки. В семи частях. – М.: Университетская типография, 1891–1893. – Ч. 7. – Приложение. – С. 1–68.
Vigel' F. F. Zapiska o Kerchi / F. F. Vigel' // Vigel' F. F. Zapiski. V semi chastyakh. M.: Universitetskaya tipografiya, 1891–1893. – Ch. 7. – Prilozhenie. – С. 1–68.
8. <Вигель Ф. Ф.> Записка о Керчи / Ф. Ф. Вигель // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1864. – Кн. 1. – Отд. V. – С. 1–99.
<Vigel' F. F.> Zapiska o Kerchi / F. F. Vigel' // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. – M., 1864. – Kn. 1. – Otd. V. – С. 1–99.
9. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе / В. В. Дегоев. – М.: SPSL – «Русская панорама», 2003. – 512 с.
Degoev V. V. Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Stat'i, ocherki, esse / V. V. Degoev. – M.: SPSL – «Russkaya panorama», 2003. – 512 s.
10. Завойкин А. А. «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова) / А. А. Завойкин // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. – № 3. – С. 147–163.
Zavoikin A. A. «Bospor Kubanskii» – ostrov – Germonassa (zametki po istoricheskoi geografii Tamanskogo poluostrova) / A. A. Zavoikin // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – Magnitogorsk: MGТУ im. G. I. Nosova, 2017. – № 3. – С. 147–163.
11. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. Исторические очерки / Ю. Ю. Клычников, С. И. Лисинец. – Пятигорск, 2006. – 211 с.
Klychnikov Yu. Yu., Linets S. I. Severokavkazskii uzел: osobennosti konfliktного potentsiala. Istoricheskie ocherki / Yu. Yu. Klychnikov, S. I. Lisinets. – Pyatigorsk, 2006. – 211 s.
12. Краткие выписки, известия и замечания // Вестник Европы. 1823. – № 23–24. – С. 305–312.
Kratkie vypiski, izvestiya i zamechaniya // Vestnik Evropy. 1823. – № 23–24. – С. 305–312.
13. Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа / И. Т. Кругликова. – М.: Наука, 1977. – 88 с.
Kruglikova I. T. Sindskaya gavan'. Gorgippiya. Anapa / I. T. Kruglikova. – M.: Nauka, 1977. – 88 s.
14. Мариньи Т. де. Путешествие по Черкесии. Фредерик Дюбуа де Монпере // Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Том I. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – С. 17–78.
Marin'i T. de. Puteshestvie po Cherkesii / T. de Marin'i, F. Dyubua de Monpere // Tebu de Marin'i. Puteshestvie po Cherkesii. Frederik Dyubua de Monpere. Puteshestvie vokrug Kavkaza. U cherkesov i abkhazov, v Kolkhide, Gruzii, Armenii i Krymu. Tom I. – Nal'chik: El'-Fa, 2002. – С. 17–78.

15. Непомнящий А. А. Биобиблиография А. Б. Ашика в контексте изучения Крыма в XIX веке / А. А. Непомнящий // Боспорские исследования. – Симферополь, 2002. – Вып. 2. – С. 333–345.
- Непомнящий А. А. Biobibliografiya A. B. Ashika v kontekste izucheniya Kryma v XIX veke / A. A. Nepomnyashchii // Bosporskie issledovaniya. – Simferopol', 2002. – Вып. 2. – С. 333–345.
16. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Биобиблиографическое исследование / А. А. Непомнящий. – Симферополь, 2000. – 360 с.
- Непомнящий А. А. Muzeinoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo KhKh veka): Biobibliograficheskoe issledovanie / A. A. Nepomnyashchii. – Simferopol', 2000. – 360 s.
17. Непомнящий А. А. Начальный этап каталогизации крымских древностей: первые достижения и неудачи / А. А. Непомнящий // Пространство и Время. – 2015. – № 3. – С. 213–228.
- Непомнящий А. А. Nachal'nyi etap katalogizatsii krymskikh drevnostei: pervye dostizheniya i neudachi / A. A. Nepomnyashchii // Prostranstvo i Vremya. – 2015. – № 3. – С. 213–228.
18. Новицкий В. А. Анапа и закубанские поселения / В. А. Новицкий // Записки Кавказского отдела Императорского географического общества. – Тифлис, 1853. – Кн. 2. – С. 14–43.
- Novitskii V. A. Anapa i zakubanskije poseleniya / V. A. Novitskii // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva. – Tiflis, 1853. – Kn. 2. – S. 14–43.
19. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) / В. В. Орехов. – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 608 с.
- Orehov V. V. Russkaya literatura i natsional'nyi imidzh (Imagologicheskii diskurs v russko-frantsuzskom literaturnom dialoge pervoi poloviny XIX v.) / V. V. Orekhov. – Simferopol': AntikvA, 2006. – 608 s.
20. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. – Т. XXXVII (1820–1821 гг.). – 983 с.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sbranie pervoe. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii, 1830. – T. XXXVII (1820–1821 gg.). – 983 s.
21. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа): монография / Под ред. проф. С. Л. Дударева. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. – 252 с.
- Problemy integratsii etnicheskikh soobshchestv v sostav Rossiiskogo gosudarstva i puti ikh resheniya (na primere Severnogo Kavkaza): monografiya / Pod red. prof. S. L. Dudareva. – Armavir: Dizain-studiya B, 2014. – 252 s.
22. Пчегатлук С. К. Попечительство Керченской и бугазской торговли / С. К. Пчегатлук // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: ХОРС, 2013. – № 2. – С. 135–141.
- Pchegatluk S. K. Popечitel'stvo Kerchenskoi i bugazskoi trgovli / S. K. Pchegatluk // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – Krasnodar: KhORS, 2013. – № 2. – S. 135–141.
23. Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора: коллективная монография / Отв. ред. В. А. Горончаровский. – СПб.: Изд-во РХГА, 2017. – 152 с.
- Rossiiskie arkhologi XIX – nachala XX v. i kurgannye drevnosti Evropeiskogo Bospora: kollektivnaya monografiya / Otv. red. V. A. Goroncharovskii. – SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 2017. – 152 s.
24. Рябиков А. Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века: монография / А. Н. Рябиков. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2009. – 159 с.
- Ryabikov A. N. Voenno-diplomaticheskii aspekt deyatelnosti Rossii na Kavkaze v kontekste mezhduнародnykh otnoshenii v pervoi treti XIX veka: monografiya / A. N. Ryabikov. – Slavyansk-na-Kubani: Izdatel'skii tsentr SGPI, 2009. – 159 s.
25. Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол / Подгот. И. С. Абрамовская, А. А. Охременко; науч. редактор В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2016. – 507 с.
- Sentimental'nye puteshestviya v Tavridu: P. I. Sumarokov, I. M. Murav'ev-Apostol / Podgot. I. S. Abramovskaya, A. A. Okhremenko; nauch. redaktor V. A. Koshelev. – Velikii Novgorod – Simferopol' – N. Novgorod: ООО «Rastr», 2016. – 507 s.
26. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823 гг. Часть II (с 1796 по 1823 год) / А. А. Скальковский. – Одесса: Городская тип-я, 1838. – 349 с.

- Skal'kovskii A. A. Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiiskogo kraia. 1730–1823 gg. Chast' II (s 1796 po 1823 god) / A. A. Skal'kovskii. – Odessa: Gorodskaya tip-ya, 1838. – 349 s.
27. Скасси Р. де. Заметка о торговых сношениях с Черкесией. Заметки о сношениях с Черкесией и устройстве порта в Керчи / Р. де Скасси // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 285–290.
- Skassi R. de. Zametka o torgovykh snosheniyakh s Cherkesiei. Zametki o snosheniyakh s Cherkesiei i ustroistve porta v Kerchi / R. de Skassi // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. – Nal'chik: El'brus, 1974. – S. 285–290.
28. Скасси Р. де. Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 г. / Р. де Скасси // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 281–285.
- Skassi R. de. Izvlechenie iz zapiski o delakh Cherkesii, predstavlennoi gospodinom Skassi v 1816 g. / R. de Skassi // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. – Nal'chik: El'brus, 1974. – S. 281–285.
29. Скасси Р. А. Записка об открытии Керченского порта / Р. А. Скасси; ком. и биогр. очерк В. Ф. Санжаровец, пер. С. Н. Наумкин // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника: сб. науч. тр. Вып. 5. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. – С. 414–449.
- Skassi R. A. Zapiska ob otkrytii Kerchenskogo porta / R. A. Skassi; kom. i biogr. ocherk V. F. Sanzharovets, per. S. N. Naumkin // Nauchnyi sbornik Vostochno-Krymskogo muzeya-zapovednika: sb. nauch. tr. Вып. 5. – Simferopol': Biznes-Infom, 2016. – S. 414–449.
30. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках / Н. А. Смирнов. – М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1958. – 544 с.
- Smirnov N. A. Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vekakh / N. A. Smirnov. – M.: Izd-vo sots.-ekonom. lit-ry, 1958. – 544 s.
31. Стемповский И. А. Письмо редактору / И. А. Стемповский // Вестник Европы. – 1824. – № 3. – С. 230–235.
- Stempkovskii I. A. Pis'mo redaktoru / I. A. Stempkovskii // Vestnik Evropy. – 1824. – № 3. – S. 230–235.
32. Страбон. География. В 17 книгах / Страбон. – Л.: Наука, 1964. – 940 с.
- Strabon. Geografiya. V 17 knigakh / Strabon. – L.: Nauka, 1964. – 940 s.
33. Толстиков В. П., Муратова М. Б. О некоторых особенностях культа Кибелы в Пантикапее в первые века н. э. в свете новейших археологических исследований / В. П. Толстиков, М. Б. Муратова // Таврические студии. – Симферополь: ООО «Антиква», 2017. – № 12. – С. 144–149.
- Tolstikov V. P., Muratova M. B. O nekotorykh osobennostyakh kul'ta Kibely v Pantikapee v pervye veka n. e. v svete noveishikh arkheologicheskikh issledovaniy / V. P. Tolstikov, M. B. Muratova // Tavricheskie studii. – Simferopol': ООО «Antikva», 2017. – № 12. – S. 144–149.
34. Тункина И. В. Первые годы деятельности Керченского музея / И. В. Тункина // Археология и история Боспора: сборник научных статей. – Керчь, 1999. – Т. 3. – С. 39–60.
- Tunkina I. V. Pervye gody deyatel'nosti Kerchenskogo muzeya / I. V. Tunkina // Arkheologiya i istoriya Bospora: sbornik nauchnykh statei. – Kerch', 1999. – T. 3. – S. 39–60.
35. Тункина И. В. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина // Проблемы античной истории. Сб. науч. статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. – С. 359–375.
- Tunkina I. V. Pervye issledovatel'skie programmy v klassicheskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (XVIII – seredina XIX v.) / I. V. Tunkina // Problemy antichnoi istorii. Sb. nauch. statei k 70-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E. D. Frolova. – SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 2003. – S. 359–375.
36. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб.: Наука, 2002. – 676 с.
- Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) / I. V. Tunkina. – SPb.: Nauka, 2002. – 676 s.
37. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. / А. В. Фадеев. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 398 с.
- Fadeev A. V. Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v. / A. V. Fadeev. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 398 s.

38. Федосеева Л. Д. Английская агентура на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. / Л. Д. Федосеева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – № 1. – С. 58–63.
- Fedoseeva L. D. Angliiskaya agentura na Severo-Zapadnom Kavkaze v pervoi polovine XIX v. / L. D. Fedoseeva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – Maikop: Izd-vo AGU, 2010. – № 1. – S. 58–63.
39. Федосеева Л. Д. Иностранное вмешательство в Кавказскую войну / Л. Д. Федосеева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2005. – № 4 (19). – С. 15–18.
- Fedoseeva L. D. Inostrannoe vmeshatel'stvo v Kavkazskuyu voynu / L. D. Fedoseeva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – Maikop: Izd-vo AGU, 2005. – № 4 (19). – S. 15–18.
40. Федосеева Л. Д. Интересы России и Турции на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века / Л. Д. Федосеева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. – № 1. – С. 61–68.
- Fedoseeva L. D. Interesy Rossii i Turtsii na Severo-Zapadnom Kavkaze v pervoi polovine XIX veka / L. D. Fedoseeva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – Maikop: Izd-vo AGU, 2007. – № 1. – S. 61–68.
41. Филипсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847 / Г. И. Филипсон // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. – С. 76–197.
- Filipson G. I. Vospominaniya. 1837–1847 / G. I. Filipson // Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX veka. – SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2000. – S. 76–197.
42. Хотко С. Х. Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. / С. Х. Хотко – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 292 с.
- Khotko S. Kh. Otkrytie Cherkessii. Kartograficheskie istochniki XIV – XIX vv. / S. Kh. Khatko – Maikop: ОАО «Poligraf-YuG», 2015. – 292 s.
43. Шавишвили А. Э. Правовое положение Северного Кавказа в контексте международных договоров второй половины XVIII – первой трети XIX в. / А. Э. Шавишвили // Ленинградский юридический журнал. 2009. – № 1 (15). – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. – С. 213–220.
- Shavishvili A. E. Pravovoe polozhenie Severnogo Kavkaza v kontekste mezhdunarodnykh dogovorov vtoroi poloviny XVIII – pervoi treti XIX v. / A. E. Shavishvili // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2009. – № 1 (15). – SPb.: LGU im. A. S. Pushkina. – S. 213–220.
44. Шкунов В. Н. Абхазия в системе внешней торговли Российской Империи в XIX веке / В. Н. Шкунов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара: СНЦ РАН, 2010. – Т. 12. – № 2. – С. 36–44.
- Shkunov V. N. Abkhaziya v sisteme vneshnei trgovli Rossiiskoi Imperii v XIX veke / V. N. Shkunov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – Samara: SNTs RAN, 2010. – T. 12. – № 2. – S. 36–44.
45. Экзиков М., Емельянова Н. По обе стороны Большого Кавказа: Сборник документов. Т. 1. Абазины и «черкесский» вопрос / М. Экзиков, Н. Емельянова. – СПб.: Питер, 2012. – 608 с.
- Ekzegov M., Emel'yanova N. Po obe storony Bol'shogo Kavkaza: Sbornik dokumentov. T. 1. Abaziny i «cherkesskii» vopros / M. Ekzegov, N. Emel'yanova. – SPb.: Piter, 2012. – 608 s.
46. Blaramberg I. P. de. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia, faisant partie du cabinet du conseiller d'état de Blaramberg à Odessa. – Paris, 1822. – 96 p.
47. Blaramberg I. P. de. Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus près du site de l'ancienne Panticapée. – Paris, 1822. – 31 p.
48. F. Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, en Crimée, sur la mer Noire. Paris, 1822 // Revue Encyclopédique. – 1822. – T. XV. – Juillet. – III. – P. 154–155.
49. Raoul-Rochette B. Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien. – Paris, 1822. – 235 p.

50. R... de S... Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, situé en Crimée sur la mer Noire. – Paris, 1822. – 16 p.

51. R... de S... Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, situé en Crimée sur la mer Noire // Annales de l'industrie nationale et étrangère, ou Mercure technologique. T. 6. – Paris, 1822. – P. 67–77.

Orekhov V. V. «Note...» about Kerch, published in Paris by Raffael de Scassi

The article aims to introduce into scientific circulation, «Note on the opening of the Kerch port in Crimea on the Black sea», published by Raffael de Scassi in 1822, in the Paris edition of the «Annales de l'industrie nationale et étrangère». This publication Raffael de Scassi repeats some fragments of his administrative notes, which are well known to historians. But "Note..." published in Paris, not copies completely neither style, nor the content, nor the composition of administrative records, compiled by Raffael de Scassi. This raises a number of questions about the reasons for the timing and location of the publication and its content. It forces us to consider Paris the "Note..." by Raffael de Scassi in a historical context and in the context of the biography of Raffael de Scassi. In the Annex to the article posted translations on Russian language of "Notes...", which Raffael de Scassi published in Paris.

Keywords: Raffael de Scassi, Kerch port, I. A. Stempkovsky, Kerch antiquities, archaeology, the Crimea.